

Глава XI

ЦВЕТОК ЖИЗНИ

После встречи с Луцием Катю отдали под присмотр старухи-банщицы, даже охрану не поставили. Впрочем, с блокпоста все равно не сбежишь. Старуха жила в небольшом домике, больше напоминающем собачью будку площадью три на три метра. Из хозяйства всего ничего: широкая лавка, она же кровать, два табурета и столик, в углу печка-буржуйка. Маленькое окошко затянуто толстым полиэтиленом, пропускавшим тусклый свет. Катя сидела на лавке, скрестив ноги. Старуха расположилась на табурете у окна и принялась за пряжу. Овечья шерсть лежала большой горкой у ее ног, источая специфический запах, который наполнял старческую обитель. Левой рукой она быстро сучила белую мягкую шерсть, а правой крутила веретено, которое она то пускала падать почти до пола, то ловко подхватывала и опять заставляла вертеться с легким жужжанием. Катя заморожено смотрела, как придурковатая бабка ловко и легко обращается с этим странным предметом. Ее руки грубые, в шишках, потемневшие от работы и времени, по всей видимости, повидали не мало.

– Носочки ему свяжу теплые, – пробормотала старушка, чавкая беззубым ртом. Разулыбалась аж до слез, но потом резко изменилась в лице. – Когда ж эту тварь убьет кто-нибудь?! Не должны такие по земле ходить! Демоны должны в аду обитать, а не слоняться среди живых! – она снова искривила лицо так, что Кате стало страшно. – Вот милочка в поход пойдет, а я ему носочки, чтоб ножки не мерзли. Чего вылупилась? – повернувшись к девчонке, прошипела бабка и шмыгнула носом.

– Да я просто... – Катя пожала плечами.

– Думаешь, не знаю?!

– Что именно? – недоумевала пленница.

– Он тебя погубит. Он всех погубит, – ее веретено ходило вверх-вниз, гипнотизировало, наматывая на себя шерстяную нитку. – Он словно пламя, которое завораживает своей красотой, но для того, чтобы гореть, он должен пожирать все вокруг, – ее взгляд холодный и уверенный. – Живьем Володьку зарыли. Жалко мужика-то. А ведь он пытался хоть что-то сделать. Хотел людей поднять против этого зверя. Вот, а то простынет еще, что ж тогда делать-то?

– Кто простынет? – двигаясь на край лавки, шепотом поинтересовалась Катя.

– Как кто? Луций, – она повернулась на голос и растянула рот в безобразной беззубой старческой улыбке, но ее радость опять сменилась гневом. – Выродок никак не сдохнет! Отродье Сатаны! Ничего его не берет. Хитрый как лис и бесчувственный словно скала. Он не успокоится, пока не уничтожит весь человеческий род! Сначала истребит всех тех, кто еще верит в богов, а потом придумает новое оправдание убийствам, пока не останется только он один. Изничтожит всех и сам станет богом! Богом небытия! – она хрипло и со свистом в голосе засмеялась, прокашлялась и снова начала что-то лопотать про пряжу.

Кате стало не по себе от присутствия сумасшедшей старухи. Когда стемнело, бабка наконец оторвалась от своей работы, затопила печь и зажгла керосинку. Тусклый и зловещий свет наполнил комнатушку. Старуха, покряхтев, встала на колени, достала из-за пазухи деревянный самодельный крестик на длинной веревке, сжала его в кулаке и, прикрыв глаза, стала что-то бормотать.

– Ты что, дура старая, делаешь?! Он же тебя убьет!

– Меня? – бабка открыла глаза. – Он убил меня очень давно, когда истребил всю нашу общину вместе с моей семьей. Я его трофей, деточка. А существую я лишь потому, что он хочет, чтобы я страдала до конца своих дней. Ты даже не представляешь что он такое. Слава Богу, что у этого отродья нет детей. Бог еще милосерден к этому миру, уберегая человечество от его наследников. Зло не должно давать потомства. А все, что он тебе рассказывал – это его бредни. Он живет во тьме, он верит лишь в то, что ему кажется. Он не человек, давно не человек. «Кто делает грех, тот от дьявола, потому что сначала дьявол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола».¹

– Чего?!

– Ищет он мессию, дабы убить его и поставить точку в их противостоянии. Он – гончий Ада – уже взял след, почуял, как зашевелился этот мир в предвкушении второго пришествия. Люди потянулись на юг в поисках спасителя. Грядут великие перемены или все канет в небытие: и ты, и я, и весь этот мир. А ты, деточка, приманка в его охоте, живец, наживка. Не верь ни одному его слову, ибо ласков он словом и делом праведным, да душою черен и мыслями поганен. Он давно не принадлежит себе, – она спрятала крестик и поднялась с колен, словно что-то почувствовала. В помещение вошел Шона. – О-о-о-о, приперся, пекинес.

– Собирайся, – скомандовал Самурай, смотря сквозь бабку, словно ее и не было вовсе. Катя, не понимая, что нужно делать, продолжала сидеть, не шелохнувшись. – Мне еще раз повторить?

– Что, пес, снова приказ получил от своего хозяина?! – она поднялась на цыпочки, вывалила язык, прижала руки к груди и стала часто и громко

---

¹ 1-ое Иоанна 3:8.

дышать, изображая собачонку, которой приказали «служить». Внезапно прекратила, подошла к нему почти вплотную и ткнула в грудь кривым указательным пальцем. – Он вас всех в Ад затащит. Всех до единого. Попомни мои слова. И побойся Бога!

– Пойдем, – Самурай схватил девчонку за руку и вывел на улицу.

– И канет все в бездну, когда встретятся две силы! И рухнет мир старый, чтобы очистить пространство для мира нового! Не верь ему! Не верь! – прокричала бабка вслед.

– Шагай, давай, – толкая Катю в спину, произнес Шона и захлопнул за собой дверь.

Снова пошел снег и поднялся ветер. На ночь все электричество перенаправляли на два прожектора, так что остальные обитатели блокпоста 44 довольствовались в лучшем случае свечами или керосиновыми лампами. Катя брела куда-то вперед, подгоняемая тычками в спину. Подошли к уже знакомому дому. Шона открыл дверь, кивнул головой давая понять, чтобы она проходила. Девочка недоверчиво посмотрела на него.

– Ступай, – монотонно добавил он и пихнул ее вперед, закрывая за ней дверь.

– Проходи, не бойся, – послышался из освещенной комнаты голос Луция.

Она с опаской направилась вперед. Генерал сидел перед печью, смотря на огонь. Рядом лежал меч, чуть дальше на стуле висел плащ, на полу сложены доспехи. Крепкое мускулистое тело было окутано страной мглой, будто исходящей из него. Он потянулся за мечом, и девочка замерла в оцепенении.

– Да не бойся ты, не трону.

Достав из-под печки точильный камень, Луций провел им по мечу, докоснулся пальцем, вытянул руку вперед. Кончик лезвия замер над пламенем, переливаясь и отражая от себя яркое свечение огня.

– Скоро рассвет. До утра будешь со мной, вон твоё место, – он кивнул в дальний угол, где стояла железная кровать, которой, наверное, было лет триста. Поверх металлической сетки лежали два овечьих бушлата. – Ложись, вставать рано, – монотонно добавил он и снова принялся натачивать клинок.

Катя попятилась назад, не сводя с него взгляда, нащупала рукой кровать, присела. Металлическая сетка издала дребезжание и провалилась вниз под ее весом. Луций замер, словно вслушиваясь в этот звук, и, наконец, взглянул на девчонку.

– Наговорила тебе, небось, бабка про меня всякого? Старая она совсем стала, совсем из ума выжила. Она прядет шерсть, чтобы связать мне носки? Конечно, прядет. Она всегда садится за веретено, когда ей становится совсем худо. Ну, ты понимаешь, – он покрутил пальцем у виска. – Я не злюсь на нее, позволяю ей многое. Кто знает, какие мы будем в старости? Ты на нее внимания не обращай, она иногда такое несет, что самому страшно становится. Последнее время ей демоны мерещатся повсюду, а иногда так вообще думает, что это я само зло, – он усмехнулся. – Да, я творю зло, но

только во благо. Нельзя пожарить яйцо не разбив скорлупы. Ты это поймешь. С этого дня ты будешь рядом со мной, пока мы не прибудем в Новый Рим, – он снова принялся точить клинок.

– Я тебе не верю. Ни одному твоему слову, – робко возразила Катя.

– Твое право.

– Он придет за мной и вырежет тебе сердце. Ты даже не знаешь, на что Марс способен, – сквозь накотившиеся слезы прошептала она.

– Я очень на это надеюсь.

Давно перевалило за полночь. Луций, убрав меч в ножны, каменным монументом сидел у печи в одной и той же непоколебимой позе. Его тело оживало лишь в тот момент, когда нужно было подкинуть дров. Катя как могла, боролась со сном. Ей казалось, что только она закроет глаза, и этот зверь в человеческом облике кинется на нее, начнет рвать ее тело, швыряя куски ее плоти в разные стороны. Сейчас он сидит у печи, а через секунду проявит себя, покажет именно с той стороны, про которую ей рассказала старуха. Но генерал продолжал сидеть неподвижно, а усталость брала верх. Катя даже не поняла, как провалилась в объятия Морфея.

Сколько ей было лет, когда ее спасли Виктор и Марс? Пять, а может шесть. Она не помнила, но помнила четко все, что происходило. Менялся мир, а вместе с ним и люди. Вскоре все перестали помогать друг другу. Выжить бы самому стало нормой для человека. Ее семья пробиралась на юг вместе с остальными, такими же как и они, обделенными и лишенными. Их стоянку заняла крупная и жестокая группировка, называвшаяся волками и считавшая себя санитарами мира. Все себя кем-то считают. Группа, человек сто может чуть больше, мигрировала в поисках лучшей доли, убегая с насиженного места. Уцелели только они, остальных перебили, взяли в плен. А ведь раньше их община была многолюдной, и все жили хорошо, всего хватало. Но нет. В этом мире детям и старикам не осталось места. Живая человеческая масса брела по разбитой дороге вперед к своему счастью, казавшемуся недостижимым. Они шли на юг в поисках Нового Рима. Все хотели попасть туда, но никто не доходил, словно это был мифический город наподобие Атлантиды. Шли сутками напролет, отдыхали только по часу и снова в путь, все пытаясь оторваться от смерти. Но разве от нее убежишь?

Когда в темноте появился свет фар и послышался звук моторов, стало понятно, что это конец. Волки вновь настигли их. Началась паника. Раздались радостные крики преследователей и первые выстрелы. Отец схватил Катю на руки и кинулся прочь что было сил, а она смотрела через его плечо и не понимала, почему все так кричат и бегают и что это за яркий свет, который лучами резал темноту. Тяжелые машины врезались в толпу людей, сминая живое на своем пути. С грузовика спрыгнули несколько человек и с яростными криками, держа в руках топоры и дубинки, кинулись на людей. Грузовая машина рванула вперед и остановилась далеко впереди, преградив путь спасавшимся. А они все бежали и бежали. Рядом только тяжелое дыхание отца и хрип матери, которая только чудом не падала, а

продолжала бороться, заставляя свои ноги нести тело вперед. На грузовике зажгли прожектор, луч света вспорол темноту, ослепляя стадо оставшихся в живых. Они замерли, испуганные, грязные и истощенные, с безумными глазами, в которых застыл животный страх. Одна, две, три, пять секунд. В кузове машины расчехлили пулемет, бойцы вскинули оружие, передернули затворы и прицелились. Катя почувствовала, как у отца по коже прошла мелкая дрожь. Он сильнее прижал ее к себе.

– Огонь!!! – голос в темноте прогремел так, что содрогнулась Вселенная.

Разом застрочили несколько автоматов, в истеричной агонии заливался пулемет. Прожектор освещал, как пули терзали человеческие тела, вырывали из них куски, отбрасывали назад. Убитые падали, раненые визжали и стонали.

– Бежим, – мать дернула отца за руку, но ее голос уже был хриплым, булькающим, предсмертным.

Пуля пробила ей горло, а пулемет продолжал наспиговывать тело женщины смертоносным металлом. Отец упал на землю, закрывая своим телом дочь.

– Ты только молчи, только молчи. Закрой глазки и молчи, – последнее, что шептал он ей на ухо.

Одежда маленькой девочки пропиталась его теплой кровью. Когда грохот оружия угомонил последнего, стоящего на ногах, волки добились контрольными выстрелами бездыханные, разодранные в клочья тела погибших. Выбитые отцовские мозги заляпали ей лицо и волосы. Она лежала, молча, не шевелясь, делала все в точности, как приказал ей папа. А потом пришли они как сказочные ангелы. Даже когда Виктор вытащил ее из-под трупа, девочка все еще продолжала прикидываться спящей. Нет, не мертвой. Тогда она этого еще не понимала, не различала сон и смерть, тогда ей казалось, что люди просто засыпают. Казалось, что если ты закроешь глаза, то все страхи пройдут сами собой, а когда откроешь, все будет хорошо как прежде. Ее хорошенько встряхнули. Катя с трудом раскрыла слипшиеся от крови глазки, засунула в рот большой пальчик и стала осматриваться по сторонам. Стоящий рядом с пожилым мужчиной парень в забрызганной кровью одежде вытирал о рукав окровавленный нож, а вдалеке полыхали два больших костра из человеческих тел.

– Глянь, живая, – улыбаясь, произнес седой бородатый мужчина и прижал ребенка к себе, стал аккуратно вынимать из волос остатки человеческой плоти.

– И чего мы с ней делать будем? Волки скоро приедут за трофеями, глянь какая куча добра лежит. Куда мы с ней? Помрет же все равно, а нам идти нужно.

– Все мы рано или поздно умрем, Марс. Дело не в смерти, а в жизни. Отнять жизнь легче, чем ее сохранить.

– Обузой только будет, ты же лучше меня это знаешь. Оставь ее тут, и уходим.

– Посмотри на нее, – Виктор поднял ее вверх на вытянутые руки. – Цветок жизни.

– Ага, на нашей с тобой могиле! Ты же сам всегда учил: помог, спас, подарил второй шанс человеку и оставь его, не мешай идти и делать свой выбор. Тут-то чего?

– А тут, Марс, судьба... Посмотри вокруг, всех в мясо, а она одна живая и здоровая. Значит, нужна для чего-то. С нами пойдет. И не спорь!

– Да я и не спорю. Как скажешь. Дело твое. Все равно помрет, если не от болезни, так от голода и непогоды. Не для детей этот мир, ты же сам говорил.

– Говорил, знаю, – он прижал девчущку к себе. – Но и не для нас он тоже. Тогда для кого?

– Ясно, – Марс убирал нож и махнул на Виктора рукой.

– Эй!

От ударов по ножке кровати Катя вздрогнула и открыла глаза. Луций в полном облачении накиннул капюшон на голову.

– Поднимай свою задницу. Выдвигаемся.